

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

К.П. Тиле

Понятие о развитии религии

Опубликовано:

Христианское чтение. 1903. № 6. С. 862-881.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

Понятіе о развитіи религіи.

Изъ лекцій проф. К. П. Тиле.

ПЕРВАЯ задача нашей науки, какъ было уже указано, заключается въ томъ, чтобы изучить религію въ ея развитіи. Для этого мы должны прежде всего опредѣлить, что мы разумѣемъ подъ развитіемъ. Въ данномъ случаѣ, однако, я не имѣю въ виду опредѣлить самую сущность религіознаго развитія, такъ какъ объ этомъ мы можемъ говорить лишь послѣ того, какъ прослѣдимъ весь ходъ этого развитія. Такая попытка была бы преждевременна.

Итакъ, что же разумѣемъ мы вообще подъ словомъ развитіе? Вотъ первый вопросъ, на который намъ нужно отвѣтить. Необходимо сдѣлать это потому, что многіе часто имѣютъ превратное понятіе какъ о самомъ терминѣ, такъ и о нашемъ пониманіи его. Необходимо это равнымъ образомъ и потому, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ образомъ, заимствованнымъ изъ жизни природы, который только по аналогіи прилагается къ высшей человѣческой природѣ или духовной жизни. Развитіе есть ростъ. Изъ земной почки выходитъ какъ изъ своего покрова цвѣтокъ и развертывается во всемъ богатствѣ и великолѣпіи своихъ красокъ. Изъ маленькаго желудя вырастаетъ мощный дубъ во всемъ его величіи. Мужчина въ полномъ цвѣтѣ своей силы, женщина въ разцвѣтѣ своей красоты были когда-то безпомощными дѣтьми, и мы знаемъ, что ихъ ростъ начался даже раньше ихъ рожденія. Вотъ примѣры того, что мы называемъ развитіемъ. Но мы примѣняемъ это слово не къ одной только физической жизни. Мы употребляемъ его

равнымъ образомъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда говоримъ объ умственныхъ дарованіяхъ, объ артистическомъ талантѣ, объ индивидуальномъ характерѣ, и вообще о цивилизации, искусствѣ, наукѣ и культурѣ. И мы думаемъ поэтому, что, въ виду открытій, сдѣланныхъ антропологическо-историческимъ изслѣдованіемъ религіи, мы имѣемъ полное право примѣнить этотъ терминъ и къ религіи. Въ свое оправданіе мы можемъ сослаться въ данномъ случаѣ на такой авторитетъ, какъ Самъ Христосъ, который сравнивалъ царство небесное съ горчичнымъ зерномъ, которое меньше всѣхъ сѣмянъ, но вырастаетъ въ столь могучее дерево, что птицы небесныя укрываются въ его вѣтвяхъ. Что иное означаетъ это сравненіе, какъ не то, что сѣмя, посѣянное Имъ въ лоно человечества, предназначено было къ развитію въ великое религіозное общество?

Однако, хотя мы и принуждены пользоваться образной рѣчью, когда желаемъ выразить весьма сложный фактъ однимъ словомъ, въ особенности когда дѣло идетъ о фактъ духовной природы, но образъ остается только подобіемъ, сравненіемъ, которое требуетъ дальнѣйшаго разъясненія. Что мы предполагаемъ, когда говоримъ о развитіи? Во-первыхъ, мы предполагаемъ, что предметъ, переживающій развитіе, представляетъ единство; что измѣненія, которыя мы наблюдаемъ, не похожи на измѣненія, происходящія отъ капризовъ непостояннаго человѣка, подобно тому какъ наши одежды мѣняются по прихотямъ моды; что дубъ потенциально уже существуетъ въ желудѣ и зрѣлый мужъ въ младенцѣ. Здѣсь не простая только послѣдовательность или замѣна одного другимъ, а выростаніе одного изъ другаго. Развитіе, — скажемъ словами одного американскаго ученаго, — есть «непрерывное прогрессивное измѣненіе, совершающееся по извѣстнымъ законамъ и дѣйствіемъ однѣхъ и тѣхъ же силъ» ¹⁾. Во вторыхъ, мы предполагаемъ, что каждая фаза въ этомъ процессѣ развитія имѣетъ свою цѣну, значеніе и право на существованіе, что она необходима для возникновенія высшей фазы и продолжаетъ дѣйствовать еще въ этой послѣдней. Если я вырву изъ земли дубъ и посажу на его мѣсто букъ, то я не могу сказать, что этотъ букъ развился изъ дуба. Равнымъ образомъ я не могу сказать этого и въ томъ случаѣ, если поставлю на какое-нибудь дѣло

¹⁾ Проф. *Le Conte*, цитир. *Lyman Abbott*'омъ въ *New World*, 1892, № 1, р. 1.

опытнаго мужа вмѣсто неприученнаго юноши. Или возьмемъ примѣръ изъ нашей собственной области: когда нѣкоторые позитивисты говорятъ, что нравственность должна замѣнить религію, или когда Штраусъ утверждаетъ то же относительно искусства, они не имѣютъ никакого права называть это развитіемъ. Ни нравственность, ни искусство не выросли изъ религіи; они издавна существовали наряду съ ней; нельзя сказать даже и того, что они замѣняютъ ее. Тѣ, кто учить такимъ образомъ, утверждаютъ не что иное, какъ то, что религія принадлежитъ къ проходящимъ періодамъ человѣческаго развитія, что приходитъ время, когда человѣкъ пуждаться въ ней больше не будетъ, что она исполнила свою миссію и кончила свое поприще, и мало того, что жизнь ея угасаетъ, но что ничего и не требуется, чтобы занять ея мѣсто. Кратко сказать, гипотеза развитія религіи основывается на признапіи единства и независимости религіозной жизни во всѣхъ ея измѣняющихся формахъ.

Но ограничиться опредѣленіемъ понятія о развитіи вообще не достаточно; мы должны составить понятіе и о томъ, что разумѣется подъ развитіемъ религіи въ частности. Это послѣднее означаетъ отнюдь не то, что религіи и секты всякаго рода и объема, извѣстныя исторіи,—изъ коихъ многія существуютъ и до сихъ поръ,—постоянно развиваются. До извѣстной степени это несомнѣнно такъ; но ихъ развитіе не непрерывно. Всѣ религіи—т. е. всѣ организациіи религіозной жизни даннаго общества и періода—развиваются, но, какъ и всякая форма социальной жизни, только въ теченіе нѣкотораго времени. Всѣ онѣ имѣютъ свои періоды рожденія, возрастанія, разцвѣта и упадка. Многія уже навсегда сошли со сцены всемірной исторіи. Подобно тому какъ есть мертвые языки, такъ точно есть и мертвыя религіи. Однѣ переживаютъ столѣтія; другія имѣли кратковременную жизнь; нѣкоторыя существуютъ и доселѣ, но въ такомъ окаменѣломъ состояніи, что про нихъ едвали можно сказать, что онѣ еще живутъ и развиваются; онѣ существуютъ, и ничего болѣе, держась извѣстнаго древняго преданія, отъ котораго не смѣютъ отступить ни на одинъ шагъ. Если это религіи національныя, какъ напр., греческая, или государственныя, въ родѣ римской, тогда онѣ раздѣляютъ судьбу государства или націи, живутъ и умираютъ вмѣстѣ съ ними. Можетъ случиться даже и такъ, что онѣ теряютъ всякую жизненность прежде, чѣмъ прекратитъ

существованіе государство или нація, и поддерживаются только искусственно авторитетомъ правительства, не удовлетворяя уже религіознымъ потребностямъ большинства. Религія Римской имперіи представляетъ въ данномъ случаѣ убѣдительнѣйшій примѣръ. Если онѣ связаны съ государствомъ или народомъ менѣе неразрывно, тогда ихъ процвѣтаніе и упадокъ, ихъ распространеніе и сокращеніе, зависятъ отъ другихъ причинъ, но законъ преходимости одинаково приложимъ и къ нимъ. Понятіе развитія въ этихъ случаяхъ имѣетъ, слѣдовательно, только относительный смыслъ. Но мы увидимъ, что эта-то именно преходимость религій и является однимъ изъ сильнѣйшихъ доказательствъ развитія религии. Языки, государства, народы умираютъ, но человѣчество не умираетъ. Религии, т. е. формы, въ которыхъ обнаруживается религія, умираютъ, но религія сама не умираетъ. Постоянно измѣняясь въ формѣ, религія живетъ подобно человѣчеству и вмѣстѣ съ человѣчествомъ. *Labitur et labetur in omne volubilis aevum.*

Подъ развитіемъ религии, такимъ образомъ, разумѣется не то, что религія развивается временно въ томъ или другомъ мѣстѣ, въ той или другой формѣ, а то, что религія, въ отличіе отъ тѣхъ формъ, которыя она принимаетъ, постоянно развивается въ человѣчествѣ. Ея развитіе можно представлять какъ эволюцію религіозной идеи въ исторіи, или еще лучше какъ прогрессъ религіознаго человѣка, или человѣчества, какъ религіознаго по природѣ. Вмѣстѣ съ человѣкомъ—не индивидуальнымъ человѣкомъ, а человѣчествомъ,—который никогда не останавливается, а вѣчно движется впередъ, чѣмъ онъ и возвышается надъ низшими животными, необходимо развивается и религія, какъ одна изъ частей его внутренней жизни. Если онъ прогрессируетъ въ области знанія, въ умѣнши властвовать надъ силами природы, въ умственномъ и нравственномъ возрѣннн, то и его религія должна идти въ уровень съ этимъ движеніемъ въ силу закона единства человѣческаго духа, закона, который, какъ мы увидимъ впоследствии, является главнымъ закономъ и религіознаго развитія. Здѣсь, такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ теоріей, основанной на результатахъ историческаго изслѣдованія; если угодно, это—гипотеза, но одна изъ тѣхъ, справедливо такъ называемыхъ, рабочихъ гипотезъ, поскольку онѣ указываютъ намъ надлежащее направленіе нашего изслѣдованія. Въ подтвержденіи этой гипотезы и будетъ состоять цѣль всего нашего разсужденія.

Но прежде, чѣмъ приступить къ ней, требуется разъяснить еще нѣкоторые пункты и отвѣтить на нѣкоторыя возможныя возраженія.

Прежде всего, я долженъ еще разъ рѣшительно заявить, — и тѣмъ болѣе, что относительно даннаго пункта часто существуютъ превратныя понятія, — что подъ развитіемъ религіи не разумѣется развитіе религіозныхъ обнаруженій. Собственно мы не можемъ даже и говорить о самопроизвольномъ развитіи религіозныхъ понятій или ученія, религіозныхъ дѣйствій и ритуала. Это было бы неправильное употребленіе слова. Они измѣняются, они модифицируются; но это совершается не само собою, а преднамѣренно и вполне сознательно. Представленія, догматы, которые долгое время были господствующими, поскольку ихъ считали наиболѣе точнымъ выраженіемъ религіозной истины и даже смѣшивали иногда съ самой истиной, оспариваются сначала однимъ или нѣсколькими религіозными мыслителями, потомъ по ихъ слѣдамъ и другими, и наконецъ, когда ихъ критика оказывается справедливой, и когда большинство, или по крайней мѣрѣ его руководители, приходятъ къ тому же самому заключенію, эти старые догматы или существенно измѣняются, или замѣняются совершенно новыми, хотя и не безъ горячей, жестокой и порой даже кровавой оппозиціи. То же самое происходитъ и съ религіозными дѣйствіями или формами богослуженія. Они держатся болѣе твердо и сохраняются дольше. Но если они связаны съ давно брошенными привычками и обычаями, принадлежать къ прошедшему состоянію общества, если они оскорбляютъ нравственное чувство или даже сознаніе болѣе цивилизованнаго поколѣнія, они обрекаются на вырожденіе. Къ нимъ начинаютъ относиться все съ большимъ и большимъ пренебреженіемъ. Пророческія патуры будутъ протестовать противъ нихъ съ искреннимъ презрѣніемъ. Поверхностные пионеры просвѣщенія будутъ смѣяться надъ ними какъ надъ старомодными обычаями, смысла и пользы которыхъ не въ состояніи понять ни одинъ разумный человѣкъ. Большинство, дѣйствительно, уже не знаетъ ихъ настоящаго значенія, поскольку самая форма, вполне понятная для раннѣйшихъ поколѣній, сдѣлалась для него чуждой. Тѣмъ не менѣе, ни легкомысленныя пасмѣшки, ни пророческія обличенія, ни равнодушіе, не въ состояніи еще будутъ уничтожить древняго учрежденія. Одни изъ чувства почтенія къ тому, что они считаютъ священнымъ преданіемъ, другіе въ виду предполагаемыхъ

политическихъ, соціальныхъ или церковныхъ интересовъ, по большинство по простой привычкѣ, останутся вѣрны ему. Мало того, чѣмъ менѣе способны они объяснить его, тѣмъ съ большимъ жаромъ они будутъ защищать его. Однако въ концѣ концовъ даже и самые упорные защитники начинаютъ видѣть, что своимъ упорствомъ они только подвергаютъ себя опасности потерять все, и что постоянно необходимо замѣнить отжившую форму другою, которая болѣе соотвѣтствовала бы потребностямъ новаго времени.

Измѣненія, дѣлаемыя сознательно, не составляютъ слѣдовательно самого развитія, а суть только его результаты и находятъ въ немъ свое благопріятствующее условіе. Представленія и дѣйствія, которыя выражали религіозную вѣру многихъ поколѣній, перестаютъ удовлетворять, потому что развила сама религія, потому что расположеніе, чувство и состояніе души, опредѣляющія отношеніе человѣка къ Богу, сдѣлались чище, а въ силу того и его понятіе объ этомъ отношеніи стало яснѣе, результатомъ чего и являются болѣе высокія требованія, предъявляемыя къ формамъ религіи. Въ настоящее время мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, предшествуетъ ли религіозное чувство представленію и представленіе—дѣйствию. Мы не будемъ касаться и дальнѣйшаго вопроса, коренится ли религія въ совѣсти человѣка или въ его разумѣ. Все, что мы утверждаемъ въ настоящемъ случаѣ, заключается въ томъ, что общее настроеніе духа человѣка, всѣ его взгляды на жизнь и міръ необходимо отражаются въ представленіяхъ, которыя онъ образуетъ о Богѣ или богахъ и объ ихъ отношеніи къ себѣ; что по мѣрѣ возможности онъ переноситъ свои чувства и взгляды на своего Бога, и что всякое измѣненіе, совершающееся въ нихъ, производитъ измѣненіе и въ его понятіи о Богѣ. Представленія вѣры могутъ создаваться воображеніемъ и мыслью, но и въ этомъ случаѣ «источники жизни» исходятъ изъ сердца. Извѣстный древній философъ, чувствовавшій презрѣніе къ антропоморфизму и находившій неразумнымъ приписывать богамъ всякаго рода человѣческія страсти, слабости и злодѣянія, утверждалъ, что люди представляютъ своихъ боговъ людьми точно такъ же, какъ и звѣри, если бы они имѣли боговъ, представляли бы ихъ себѣ звѣрями. Этотъ философъ заблуждался. Человѣкъ находилъ воплощеніе своихъ боговъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ—въ звѣряхъ, деревьяхъ, растеніяхъ, и даже камняхъ, — и въ ходѣ его развитія наступаетъ извѣстный мо-

менть, когда его перестаетъ удовлетворять даже и человѣческая форма. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что онъ не можетъ оставаться доволенъ такимъ представленіемъ о своемъ Богѣ, которое противорѣчитъ его совѣсти и разуму или не согласуется съ его взглядами на жизнь. Почему богословы и философы, когда они приводятъ доказательства въ пользу своего вѣроученія, такъ рѣдко убѣждаютъ думающихъ иначе? Потому, что эти послѣдніе *суть* иные. Каково ихъ состояніе, такова должна быть и вѣра ихъ. Сообразно съ настроеніемъ человѣка, его Богъ будетъ или мирнымъ, но суровымъ Варуной, или неистовымъ, воинствующимъ и пьянствующимъ Индрой, или мрачнымъ и кровожаднымъ Шивой, который находитъ удовольствіе въ жестокомъ самоистязаніи, или кроткимъ и благороднымъ Вишну, или Мелекомъ, которому въ жертву приносятъ дѣтей, или распутнымъ ханаанскимъ Вааломъ. Въ этической проповѣди еврейскихъ пророковъ восьмого вѣка до Р. Хр. Богъ представляется святымъ въ смыслѣ нѣсколько отличнымъ отъ Ягве ихъ предковъ, какъ Богъ, который слишкомъ чистъ, чтобы взирать на нечестіе, и для котораго милосердіе предпочтительнѣе жертвы. Можемъ ли мы удивляться тому, что неограниченное могущество Бога и свободная благодать составляютъ фундаментъ теологіи великаго реформатора Іоанна Кальвина, который своей желѣзной рукой преобразовалъ распущенную Женеvu въ теократическое государство по своему собственному идеалу, который считалъ повинненіе первой добродѣтели, и глубокорелигіозному чувству котораго, могучему уму и непреклонному характеру не могутъ не удивляться даже его враги. Наконецъ, какой проповѣди должны мы были бы ожидать изъ устъ Того, кто движимъ былъ состраданіемъ, видя предъ Собою народы какъ овецъ безъ пастыря, кто призывалъ къ Себѣ труждающихся и обремененныхъ, чтобы дать покой душамъ ихъ, кто похвалялъ ленту вдовицы, кто былъ другомъ мытарей и грѣшниковъ? Какой иной проповѣди, какъ не проповѣди о Богѣ, который повелѣваетъ солнцу всходить надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведнаго и неправеднаго, объ Отцѣ, который не только съ любовью принимаетъ въ свои объятія кающагося блуднаго сына, но и къ завистливому и строптивому старшему брату обращается со словами дивной кротости: «Сынъ мой, ты всегда со мною, и все мое твое!»

Отсюда, когда мы замѣчаемъ, что религіозныя представленія—представленія о природѣ Бога и Его отношеніи къ чело-

вѣку — и богослужебныя дѣйствія подвергаются измѣненіямъ, мы можемъ быть увѣрены, что имъ предшествовало нѣкоторое внутреннее измѣненіе, которое мы можемъ назвать религіознымъ развитіемъ. Мы изучаемъ эти явленія—религіозныя представленія и дѣйствія. — чтобы проникнуть въ то, что за ними скрывается. Въ ихъ измѣненіяхъ мы усматриваемъ откровеніе внутренней жизни, процессъ постояннаго ея движенія впередъ. И вотъ почему самый фактъ, что религін и церкви существуютъ не вѣчно, а имѣютъ свои періоды роста, разцвѣта и упадка, служить доказательствомъ того, что сама религія, въ отношеніи къ которой онѣ являются разнообразными временными ея воплощеніями, постоянно движется впередъ. Если бы этого, вѣчно идущаго впередъ, невидимаго, но тѣмъ не менѣе незамѣтнаго или несущественнаго развитія не было, то догматы и обряды сами продолжали бы существовать изъ вѣка въ вѣкъ, религін и церкви не погибали бы, такъ какъ они всегда удовлетворяли бы неизмѣнившимся потребностямъ. Въ этихъ непрестанныхъ измѣненіяхъ и смѣнахъ, слѣдовательно, нашему взору открывается не какое-нибудь могущее смущать насъ, а великое и поучительное зрѣлище, мы видимъ здѣсь стараніе человѣческаго духа найти болѣе точное и полное выраженіе для проясняющейся все болѣе и болѣе религіозной идеи и возвышающихся религіозныхъ потребностей,—не какую-то случайную только игру человѣческаго каприза, а, выражаясь словами вѣры, вѣчное дѣйствіе божественнаго Духа.

Существуютъ, однако, возраженія, если не противъ ученія о развитіи вообще, то, по крайней мѣрѣ, противъ нашего метода и его безусловнаго примѣненія, — возраженія, которыхъ я не могу пройти молчаніемъ. «Отъ измѣненій»,—такъ безъ сомнѣнія скажутъ намъ, — «или, если угодно, отъ усовершенствованій въ ученіи и богослуженіи вы всегда заключаете къ религіозному развитію. Но всегда ли правильно такое заключеніе? Тѣ данныя, на основаніи которыхъ вы строите заключеніе, всегда ли достовѣрны, всегда ли истинны и надлежаще поняты? И прежде всего, всегда ли онѣ религіозны, и не могутъ ли онѣ имѣть совершенно иную природу?» Я отнюдь не отрицаю этихъ затрудненій и признаю, что они внушаютъ быть осторожнымъ въ выводѣ заключеній. Внѣшнія явленія могутъ обманывать, но они обманываютъ только поверхностнаго наблюдателя, и я не говорю, что мы должны слѣпо принимать ихъ всѣ, а наоборотъ, утверждаю, что мы должны тщательно

изучать, просвѣщать и изслѣдовать ихъ. Можно исповѣдать учене, въ дѣйствительности не понимая его, можно исполнять религіозные обряды, не участвуя въ нихъ умомъ, можно пройти всѣ формы какой-нибудь высшей религіи, не разумѣя въ нихъ ничего; но въ концѣ концовъ этимъ можно обмануть только простецовъ и легковѣрующихъ. Высшая форма религіи можетъ быть навязана народу только по принужденію — правитель, духовенство, руководящее меньшинство могутъ путемъ насилія подавить вышнія проявленія грубой народной религіи; но лишь только гнетъ правителя или моральное верховенство болѣе просвѣщенной части свергнуты, какъ религія, считавшаяся уничтоженной, снова поднимаетъ свою голову, и становится ясно, что масса народа не двинулась впередъ ни на одинъ шагъ. Никто не будетъ ссылаться на состояніе еврейскаго народа при царѣ Іосіи какъ на доказательство того, до какой чистоты религіи успѣлъ тогда дойти этотъ народъ. Царь вѣроятно льстилъ себя надеждой, что онъ прочно утвердилъ въ своей землѣ Моисеевъ законъ согласно съ книгой, найденной Хелкіей, и что всякая оппозиція ему была уничтожена съ корнемъ. Но скоро оказалось, что большинство народа втайнѣ было все еще привязано къ своимъ мѣстнымъ богамъ, и что онъ приписывалъ удручавшія его бѣдствія не невѣрности къ Ягве пророковъ, а пренебреженію къ культу Царицы неба.

Измѣненія въ религіозныхъ формахъ не всегда имѣютъ религіозную природу, и, какъ таковыя, не служатъ доказательствомъ религіознаго развитія. «То, что вы принимаете за развитіе», — такъ могутъ возражать намъ, — «часто бываетъ простой уступкой требованіямъ болѣе утонченнаго вкуса или высшей цивилизаціи, болѣе широкому знанію природы и міра, большому просвѣщенію или правдивости, и не рассчитано на удовлетвореніе болѣе высокихъ духовныхъ потребностей». Иногда, особенно въ первоначальный періодъ, дѣло можетъ обстоять и такимъ образомъ. Но что же это доказываетъ? Только то, что и вышнія вліянія воздѣйствуютъ на ростъ религіи, который, какъ и всякій другой ростъ, совершается путемъ ассимиляціи. Въ томъ-то и заключается доказательство развитія религіи, что она способна усвоить плоды развитія, совершающагося въ отличныхъ отъ нея, хотя и сродныхъ ей, духовныхъ областяхъ. Несомнѣнно, что не простая только эстетическая потребность, не простое только преклоненіе предъ требованіями болѣе развитаго артистическаго вкуса заставили

грековъ отказаться отъ изображенія своихъ боговъ въ видѣ громадной колонны, какъ изображалась напр. древняя Гера въ Аргосѣ, или поражающей смѣси атрибутовъ плодородія, какъ изображеніе Артемиды ефесской, упавшее съ неба, и представлять ихъ въ чисто человѣческой формѣ, замѣнивъ когда-то столь священныхъ грубыхъ деревянныхъ идоловъ, архаическія изображения съ ихъ тяжелыми, неуклюжими позами и стереотипной улыбкой, фигурами полными изящества и величія, съ возвышеннымъ и богоподобнымъ выраженіемъ на лицѣ. По единогласному свидѣтельству всѣхъ очевидцевъ, Зевсъ Олимпійскій, изваянный Фидіемъ, былъ не только образцовымъ произведеніемъ этого величайшаго скульптора древности, зрѣлымъ плодомъ его творческаго генія, но и чистѣйшимъ выраженіемъ его глубочайшаго благочестія. «Самъ Зевсъ долженъ былъ явиться ему, или онъ долженъ былъ вознестись на небо, чтобы видѣть Бога», восклицалъ одинъ изъ поэтовъ. И даже римскій завоеватель, который подобно своимъ соотечественникамъ того времени ничего не понималъ въ искусствѣ, почувствовалъ, когда вошелъ въ храмъ, что какъ будто онъ находится въ присутствіи самого Юпитера.

Для религіи, дѣйствительно, не можетъ быть безразличнымъ, если ея представленія становятся болѣе ясными, болѣе чистыми и согласными съ дѣйствительностью, какъ она открывается предъ нами въ свѣтѣ науки, и, слѣдовательно, болѣе истинными, если ея обнаруженія становятся болѣе благопристойными, привлекательными, чистыми, болѣе нравственными, и дѣйствія культа болѣе гуманными. И несомнѣнно, болѣе гуманное господствующее настроеніе человѣчества не можетъ не вызвать соответствующаго настроенія и въ душахъ религіозныхъ.

Перехожу къ послѣднему возраженію, именно—возраженію противъ всеобщаго примѣненія теоріи развитія. Въ общихъ чертахъ это возраженіе строится слѣдующимъ образомъ. Между религіями міра можно различать два главныхъ класса — религіи выросшія и религіи основанныя. Профессоръ Whitney былъ не первымъ, указавшимъ на это различіе; оно давно уже было указано другими; но онъ даетъ самое лучшее его описаніе. Вотъ его слова: «Между религіями нѣтъ болѣе замѣтнаго различія, какъ различіе, которое должны мы сдѣлать между религіей родовой, расовой, — которая, подобно языку, является коллективнымъ продуктомъ народной мудрости, без-

сознательнымъ произведеніемъ многихъ поколѣній, — и религіей, которая обязана своимъ происхожденіемъ индивидуальному основателю, который, какъ передовой представитель лучшихъ понятій и чувствъ своего времени (ибо иначе онъ не могъ бы встрѣтить никакого успѣха), возстаетъ противъ формальности и суевѣрія и призываетъ своихъ современниковъ къ чистой и разумной вѣрѣ въ новый міръ доктринъ, главнымъ образомъ моральнаго характера, которыя онъ самъ формулируетъ, и которымъ самъ же строго слѣдуетъ» ¹⁾. Въ первомъ случаѣ, говорить намъ, можетъ быть рѣчь о развитіи, или, какъ называетъ его Whitney, «безсознательномъ ростѣ»; во второмъ случаѣ вы не можете говорить о немъ. Здѣсь работали индивидуальныя основатели, здѣсь уже не ростъ, а насажденіе, культура, явившаяся благодаря вмѣшательству чловѣка и по заранѣе опредѣленному намѣренію.

Я не хочу повторять теперь прежнихъ своихъ критическихъ замѣчаній ²⁾, равно какъ и замѣчаній профессора Макса Мюллера, сдѣланныхъ раньше еще меня, касательно даннаго описанія этихъ двухъ классовъ религій: они состоятъ главнымъ образомъ въ указаніи на то, что по обѣ стороны «демаркаціонной линіи» можно констатировать и дѣятельность индивидуальныхъ основателей и «безсознательный ростъ». Я хочу, кромѣ того, еще только замѣтить, что Whitney самъ называетъ индивидуальныхъ основателей «передовыми представителями лучшихъ понятій и чувствъ своего времени» и тѣмъ самымъ допускаетъ, что ихъ явленіе есть слѣдствіе развитія. Равнымъ образомъ словами: «ибо иначе они не могли бы встрѣтить никакого успѣха» онъ ясно указываетъ, что религіозное развитіе можетъ быть направлено ими по опредѣленному руслу, но не становится благодаря ихъ дѣятельности излишнимъ, и что этотъ постоянный ростъ является необходимымъ условіемъ прочности ихъ созданія.

Главное возраженіе, однако, остается еще безъ отвѣта. Допустимъ, что теорія развитія примѣнима къ новымъ религіямъ, поскольку основатели ихъ, какъ сыны своего времени и народа, только высказываютъ то, что неявно бродило уже въ умахъ и сердцахъ ихъ современниковъ и соотечественниковъ, и даютъ только форму тѣмъ потребностямъ, которыя

¹⁾ Princeton Review, May 1881, p. 451.

²⁾ Art. „Religions“ въ Encyclopaedia Britannica.

уже чувствовались лучшей частью окружающаго ихъ общества. Но когда новое учение возвѣщается миссіонерами другимъ народамъ и принимается ими, такъ что они отвергають то, что почитали до сихъ поръ, бросаютъ боговъ своихъ предковъ ради новаго Бога, и такимъ образомъ совершенно мѣняютъ свою религію, въ такомъ случаѣ очевидно не можетъ уже быть рѣчи о развитіи. Здѣсь не достаетъ самаго перваго изъ тѣхъ условій развитія, которое мы отмѣтили, — единства, непрерывности: въ данномъ случаѣ одно не вырастаетъ изъ другого, а замѣняется одно другимъ.

Сказанное кажется неоспоримымъ, и однако далеко не таково на самомъ дѣлѣ. Для поверхностнаго наблюдателя, дѣйствительно, дѣло представляется такимъ образомъ, какъ будто здѣсь имѣла мѣсто простая смѣна религіи, подобно тому какъ бросаютъ изношенную одежду и надѣваютъ новую. Таковъ обычный взглядъ на дѣло, но это — ложный взглядъ. Это заблужденіе поддерживается наблюденіемъ надъ тѣмъ, что бываетъ въ подобныхъ случаяхъ въ началѣ. Тѣ, кто распространяетъ новую религію, путемъ ли проповѣди, какъ ревностные миссіонеры, или посредствомъ меча, подобно Мохаммеду или Карлу Великому, требуютъ всецѣлаго отреченія отъ стараго и безусловнаго принятія новаго. Они испровергаютъ то, что признають за ложныхъ боговъ, они оскверняютъ алтари и безчестятъ святыя мѣста. Все, что напоминаетъ старый культъ, должно быть искоренено. Однако вскорѣ же обнаруживается, что цѣли своей вполнѣ они не достигли. Старая вѣра только склонилась предъ мощнымъ порывомъ, но лишь только настаетъ онять тишина, она снова поднимаетъ свою главу, безъ всякой ли застычивости въ своей старой формѣ, или въ измѣненномъ видѣ и подъ новыми именами, но сохраняя свою прежнюю сущность. Прежніе боги возвращаются опять, нѣкоторые удерживая еще свой старый характеръ и тѣ роли, которыя они играли въ древней мифологіи, въ качествѣ демоновъ, но большая часть ихъ въ качествѣ ангеловъ, святыхъ, пророковъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, начинаютъ почитаться даже больше, чѣмъ почитались ранѣе. Ихъ древнія мѣстопробыванія превращаются теперь обыкновенно въ мѣста погребенія, куда стекаются поклонники, чтобы отдать имъ долгъ своего почтенія. Празднованіе посвященныхъ имъ дней, особенно ихъ великихъ годовичныхъ праздниковъ, вскорѣ оживаетъ вновь; никакія запрещенія не

въ силахъ что-либо противъ этого сдѣлать, церковной власти приходится примириться и довольствоваться лишь тѣмъ, чтобы придать этимъ праздникамъ иной смыслъ или измѣнить ихъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ; даже ихъ старыя такъ называемыя языческія имена остаются въ употребленіи (напр., Yule — Святки, Easter — Пасха, Whitsuntide — Троицынъ день). Словомъ, я не могу видѣть здѣсь ничего другого, кромѣ ассимиляціи. Или же, — если кто думаетъ, что здѣсь происходитъ нѣчто большее, — совершающуюся перемѣну можно сравнить съ прививкой свѣжей вѣтки къ старому стволу или съ скрещиваніемъ двухъ различныхъ породъ, которое производитъ новую разновидность и такимъ образомъ скорѣе способствуетъ, чѣмъ препятствуетъ развитію. Этотъ вопросъ заслуживаетъ болѣе внимательнаго изученія, чѣмъ можемъ мы въ настоящей моментъ посвятить ему. Но, который бы изъ двухъ только-что названныхъ взглядовъ ни оказался въ концѣ концовъ правильнымъ, обычное мнѣніе, будто новая религія можетъ быть распространена и усвоена механически, несомнѣнно должно быть отвергнуто.

Позвольте мнѣ иллюстрировать сказанное яркимъ примѣромъ. Мой выборъ въ данномъ случаѣ не остановится ни на одной изъ двухъ великихъ религій міра, буддизмъ и христіанствѣ, которыя, возникши въ ограниченныхъ кругахъ и будучи затѣмъ, послѣ болѣе продолжительной или краткой борьбы, отвергнуты тѣми самыми народами, отъ которыхъ онѣ вышли, считаютъ теперь своихъ послѣдователей многими милліонами; я не возьму и ихъ могущественнаго соперника—мохаммеданство, которое только съ извѣстной оговоркой можетъ называться міровой религіей, потому что это потребовало бы болѣе пространнаго изложенія, чѣмъ позволяютъ наши границы. Что касается христіанства, то вы можете сами легко сдѣлать примѣненіе. Всякій, даже и не изучая специально предмета, можетъ видѣть, какое громадное различіе, не только въ формахъ культа и организаціи, но и въ ученіи, духѣ и характерѣ, существуетъ между многочисленными церквами, которыя вызваны къ жизни проповѣдью Евангелія—греко-россійской, малыми восточными, римско-католической и разными протестантскими церквами,—такъ что иной, пожалуй, будетъ склоненъ даже смотрѣть на нихъ какъ на религіи, едва ли сколько-нибудь родственныя одна другой. Я выбираю своимъ примѣромъ парсизмъ.

Гдѣ возникла эта религія—въ Бактріи ли, какъ нѣкоторые думаютъ, или въ восточномъ Иранѣ, по мнѣнію другихъ, или, можетъ быть, на сѣверо-западѣ — остается еще неизвѣстнымъ; во всякомъ случаѣ только не въ Персіи, равно какъ, по моему убѣжденію, и не въ Мидіи въ собственномъ смыслѣ. Точная дата ея возникновенія также неизвѣстна, хотя мы и можемъ несомнѣнно отнести ее ко времени до Ахеменидовъ, или даже, какъ представляется мнѣ вѣроятнымъ, ранѣе періода мидійской имперіи, или въ крайнемъ случаѣ къ тому же самому періоду. Но для нашего доказательства это существеннаго значенія не имѣетъ. Для насъ въ настоящемъ случаѣ важна лишь относительная древность книгъ, образующихъ Авесту, священныя писанія Маздаясновъ попреимуществу. Значительная часть текстовъ, классифицированныхъ вѣроятно въ сравнительно позднѣйшій періодъ примѣнительно къ потребностямъ культа, написана на діалектѣ, хотя и родственномъ діалекту другихъ текстовъ, однако отличающемся отъ послѣдняго во многихъ отношеніяхъ и болѣе архаичномъ. Пикто, кромѣ развѣ ослабленныхъ любовью къ собственнымъ своимъ гипотезамъ, не отрицаетъ, что тексты, написанные на этомъ болѣе древнемъ діалектѣ, древнѣе другихъ и на самомъ дѣлѣ, каково было убѣжденіе и самихъ древнихъ персовъ. Теперь, въ этихъ древнѣйшихъ текстахъ, особенно въ Гатгахъ, или гимнахъ, которые образуютъ ихъ ядро, мы находимъ въ первоначальной чистотѣ новое еще въ то время ученіе, какъ оно изложено было Саошіантами, пророками спасенія, въ качествѣ откровенія Бога Заратустрѣ, или, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, какъ оно возвыщено было самимъ Заратустрой. Мѣста въ прозѣ, написанныя на томъ же самомъ нарѣчій, имѣютъ, вѣроятно, болѣе позднее происхожденіе и показываютъ, что ученіе къ этому времени нѣсколько уже измѣнилось, хотя въ существенныхъ чертахъ осталось тѣмъ же самымъ. Основой и въ то же время первымъ требованіемъ этой проповѣди является вѣра въ Mazda Агуру, всемудраго Господа, Бога, который создалъ небо и землю и все, что ихъ наполняетъ, и всемъ премудро управляетъ. Подлѣ него и тѣсно примыкая къ нему стоятъ шесть спутниковъ, образующихъ вмѣстѣ съ нимъ священную семерицу. Однако они отнюдь не равны ему: въ одномъ мѣстѣ говорится, что онъ создалъ ихъ, въ другомъ они называются его дѣтьми; о его собственномъ рожденіи нѣтъ никакого упоминанія. Существа эти столь мало персонафицированы и ихъ

имена—благой разумъ, высшая праведность, желанное царство, благополучіе и безсмертіе—такъ часто употребляются въ качествѣ простыхъ абстрактныхъ названій. что единственнымъ дѣйствительно реальнымъ существомъ въ ученіи Гатхъ является только самъ Mazda Агура. Даже Сраоша, гений послушанія и откровенія, не является еще рѣзко очерченной фигурой, равно и древнія божества Араматн и Ариаманъ удержаны въ системѣ въ качествѣ лишь неопредѣленныхъ персонификацій благочестія добраго поселянна и дружественнаго согласія вѣрующихъ. Изпачала два духа, добрый и злой, Спента и Ангра Майшью, находятся въ антагонизмѣ; но первый пока еще не отождествленъ съ Mazda Агурой, равно какъ и послѣдній еще не противопоставленъ ему какъ одинаково почти могущественный противникъ: Mazda возвышается еще надъ обоими. Если бы не было поклоненія Атарѣ, огню Mazda Агуры, видимаго обнаруженія Ана Вагншты, который является гениемъ всего приличнаго, упорядоченнаго, правильнаго и святаго, однимъ словомъ—истиной праведности, и призванія чистыхъ водъ, проявленія Араматн, —мы могли бы назвать эту систему монотеистической. По существу она такова и есть, хотя послѣдовательно и не проведена. Заратустровы пророки спасенія возстаютъ противъ существующаго политеизма не менѣе рѣшительно, чѣмъ и іудейскіе пророки, начиная съ восьмого вѣка до Р. Хр., противъ боговъ Ваала. Девы, національные боги пращевъ, которые были общими у нихъ съ родственными по происхожденію съ ними индусами, всецѣло отвергаются этими реформаторами. Ихъ имя становится теперь названіемъ для злыхъ духовъ и синонимомъ древнему Друйа. Почитаніе ихъ безпрекословно и безусловно запрещается. Вся мнѳологія, господствующая еще народная вѣра, тщательно и намѣренно игнорируется; даже на священное преданіе дѣлается ссылка только единственный разъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что проповѣдники заратустровой реформы стремились совершенно искоренить вѣру въ Девовъ и ихъ почитаніе и вмѣсто нихъ ввести вѣру въ Mazda Агуру съ болѣе чистыми формами богослуженія; и несмотря на встрѣченную оппозицію и на преслѣдованіе, на которыя они жалуются, они все-же надѣялись достигъ своей цѣли, и были увѣрены въ торжествѣ своего дѣла.

Оправдалась ли эта увѣренность, суждено ли было этой надеждѣ исполниться? Въ извѣстной степени несомнѣнно. Но-

вое учение принято было тамъ, гдѣ оно впервые было проповѣдано. Преданіе сохранило имена нѣкоторыхъ достопримѣчательныхъ и вліятельныхъ мужей, которые содѣйствовали этому дѣлу. Есть даже извѣстіе, что одинъ изъ нихъ, Кава, «мудрый пѣвецъ», Виштаспа, былъ царемъ. Онъ образовалъ общество, которое дѣйствительно вѣрно слѣдовало предписаніямъ новаго ученія, которое, однако, пужно представлять какъ маленькую лишь группу вѣрующихъ, окруженную послѣдователями старой вѣры, и всяческими путями тѣснимую и гонимую этими послѣдними.

Въ концѣ концовъ, однако, почитаніе Мазды усвоено было всѣми иранскими народами, и даже нѣкоторыми другими племенами, и сдѣлалось національной и государственной религіей, можетъ быть, уже мидійской, и во всякомъ случаѣ персидской имперіи. Сначала всѣ восточныя области, а затѣмъ и мидійцы, персы, парѣяне и армяне постепенно обратились къ ученію Заратустры. Но это обращеніе совершилось только цѣною утраты первоначальной чистоты ученія. Доказательствомъ тому служатъ извѣстія, составляющія большую часть Авесты и написанныя на позднѣйшемъ діалектѣ священнаго языка. Разные Девы, которыхъ такъ гнушались священные пророки, возвращаются вновь: Гаома, богъ небесной чаши безсмертія и ея символа на землѣ—сока, выжимаемаго изъ стебля священнаго растенія; Митра, высшій богъ мидянъ и особенно персовъ, ликующій Богъ свѣта, который почитался уже индоиранцами и, вмѣстѣ съ Варупой, ведійскими индусами; Тистріа, богъ бѣры, отождествленный съ звѣздою Спріусъ, и многіе другіе. И почитаніе ихъ теперь не только терпится и попускается, но и настойчиво внушается въ гимназахъ, составленныхъ въ ихъ честь, защищается авторитетомъ многихъ святыхъ и героев древности, и прежде всего Заратустры, и выдается за повелѣніе Агура Мазды. Мало того, оба они даже сами являются участниками этого культа. Разумѣется, нѣкоторыя измѣненія въ представленіяхъ объ этихъ богахъ были сдѣланы, и этический элементъ въ ихъ характерѣ въ извѣстныхъ случаяхъ выдвинутъ былъ на первый планъ. Они не называются уже Девами, и замѣчается слабая попытка превратить ихъ въ Язатовъ Заратустры. Они ставятся ниже Агура Мазды, верховенство котораго, по крайней мѣрѣ въ теоріи, твердо признается; равнымъ образомъ безспорно считается правиломъ, что они не должны получать такихъ великихъ жертвъ, какъ

онъ и его спутники, и что этимъ послѣднимъ должно служить не такъ, какъ почитаются Девы. Все это однако не мѣшаетъ возобновленію ихъ почитанія, и въ дѣйствительности они остаются тѣми же самыми Девами, — хотя теперь ихъ и боятся называть этимъ именемъ, — которыхъ вѣрующій въ своемъ неовѣданіи общается презирать, гнушаться и отрекаться. Все это свидѣтельствуешь, что искоренить народную вѣру и религію оказалось невозможнымъ, и что для того, чтобы распространить новое ученіе по всей странѣ и обезпечить ея усвоеніе всѣми племенами, оказалось необходимымъ сдѣлать уступки политеизму и идолопоклонству, столь гордо отвергавшимся сначала. Все это доказываетъ, что существовавшая низшая религія не была оставлена и замѣнена новой высшей религіей, но что существовавшая религія Прана ассимилировала, сколько могла, изъ ученія Заратустры, и такимъ образомъ, — хотя и искажила это ученіе и усвоила его весьма въ ограниченной мѣрѣ, — сама была реформирована и продолжала затѣмъ развиваться въ этомъ новомъ направленіи.

Въ виду сказаннаго, мы должны примѣнять теорію развитія не къ одной только какой-нибудь категоріи религій, но ко всѣмъ. Но не есть ли это натурализмъ, перереяженный материализмъ, позитивизмъ, или какимъ бы другимъ именемъ, ненавистнымъ для большинства, вы это ни назвали? Другими словами, когда мы признаемъ такое развитіе, подчиненное извѣстнымъ законамъ и совершающееся внутренними силами, то не отрицаемъ ли мы дѣятельности, откровенія, всемогущества Божія? Ничуть не болѣе, чѣмъ и признаніемъ развитія во виѣшнемъ, видимомъ мірѣ. Намъ думается, что Богъ открываетъ себя благочестивому человѣку въ этомъ развитіи, въ этомъ правильномъ и методическомъ движеніи впередъ, въ этой жизни религій, болѣе совершеннымъ и славнымъ образомъ, чѣмъ въ прихотяхъ неизслѣдимаго произвола. Кромѣ того, мы вполне сознаемъ, что наука имѣетъ свои границы. Она можетъ показать, гдѣ существуетъ ростъ, она можетъ доказать фактъ развитія и съ помощью его объяснить явленія. — это ея долгъ. Но объяснить, какъ происходитъ развитіе, что такое собственно есть ростъ и жизнь, выше ея силъ и представляетъ неразрѣшимую тайну даже для самой глубочайшей науки. Все, что мы требуемъ признать за нашей наукой, какъ ея право, ограничивается лишь тѣмъ, чтобы прослѣдить жизнь религій въ ея поступательномъ движеніи и подняться даже до ея источника; но дальше своей собственной области она не дѣлаетъ ни

единого шага, и оставляет всякія религіозныя убѣжденія неприкосновенными.

Пусть такъ. Наша наука хочетъ изучить происхожденіе и природу религіи. Но зачѣмъ мнѣ нужно для этого слѣдить религію во всемъ ея развитіи? Зачѣмъ мнѣ нужно такъ далеко идти назадъ и такъ долго останавливаться на изученіи низшихъ религій, когда я владѣю высшей и лучшей, и знаю ее по собственному опыту? Равнымъ образомъ, когда я хочу знать, откуда происходитъ религія, не достаточно ли для меня сдѣлать наблюденіе надъ человѣкомъ, надъ религіозными людьми, которыхъ я вижу кругомъ себя, надъ людьми, стоящими на уровнѣ настоящаго развитія, и затѣмъ, какъ самосознательное существо, посмотреть на себя самого и изслѣдовать свою собственную внутреннюю природу? Все это, несомнѣнно, необходимо, но этого недостаточно. Допустимъ, что наиболѣе высоко развитая форма религіи лучше всего открываетъ природу религіи. Положимъ, что наша форма религіи является высшей, какъ и думаетъ конечно всякій, кто искренно вѣритъ въ свою религію, будетъ ли то мохаммеданинъ или христіанинъ, буддистъ или браминъ, послѣдователь Заратустры или Конфуція. Мы съ вами убѣждены, что чистѣйшая и самая истинно-человѣческая форма религіи принесена Евангеліемъ. Но не можетъ ли это быть только слѣпой вѣрой? Въ религіи, въ которой мы родились, въ религіи нашихъ отцовъ, въ религіи нашего дѣтства, мы нашли утѣшеніе и силу, нашли свѣтъ для нашего жизненнаго пути, источникъ одушевленія на все хорошее и великое; мы ей благодарны за это и научились любить ее; и доколѣ она остается источникомъ нашей высшей жизни и нашего чистаго счастья, мы никогда не откажемся отъ нея. Но и другіе точно также все это нашли въ своей религіи. И единственный выводъ, который мы можемъ извлечь отсюда, есть тотъ, что наша религія является наилучшей для насъ, а ихъ религія для нихъ, смотря по точкѣ зрѣнія каждаго. Наука можетъ уважать эти убѣжденія и даже признавать ихъ относительное право, но не можетъ признавать за ними значенія доказательствъ. Она хочетъ знать и объяснить всякое убѣжденіе. Но какимъ образомъ могу я знать, является ли извѣстная религія высшей, если не сравню ее съ другими? И если бы даже путемъ сравненія я нашелъ, какая форма религіи наилучшимъ образомъ выражаетъ высшую ступень развитія, которой можетъ достигъ религія, то и этого было бы еще недостаточно. То, что интересуетъ насъ въ концѣ концовъ—знаніе твердаго, постояннаго и неизмѣннаго элемен а

въ религіи и ея существенныхъ свойствъ,—мы можемъ добыть только путемъ выдѣленія ея изъ тѣхъ различныхъ формъ, которыя принимала религія на протяженіи всего хода міровой исторіи. Чтобы понять что-нибудь вполне, мы должны знать, какъ оно стало тѣмъ, чѣмъ является предъ нами теперь. Нельзя знать человѣка безъ эмбриологіи и біологіи. Нельзя знать религію безъ знанія ея происхожденія и роста.

При изученіи развитія религіи, которому будутъ посвящены слѣдующія лекціи, мы должны обратить вниманіе на двѣ вещи: во-первыхъ, на различныя *ступени* развитія, какъ ихъ обычно называютъ, и во-вторыхъ, на тѣ *направленія*, по которымъ развиваются религіи въ различныхъ кругахъ и періодахъ.

Выраженіе «ступени» или «степени», хотя мы и пользуемся имъ, не совсѣмъ точно, поскольку оно указываетъ только на послѣдовательность одного за другимъ въ восходящемъ порядкѣ, но не выражаетъ того, что одно вытекаетъ и вырастаетъ изъ другого, какъ стоитъ дѣло въ разумѣемомъ нами процессѣ. Поэтому я предпочелъ бы выраженіе *морфы*, или «формы существованія», которое болѣе точно выражаетъ данную идею, и потому называю эту первую часть нашего научно-философскаго труда морфологической. Антропологическо-историческое изслѣдованіе уже проложило намъ здѣсь путь своей морфологической классификаціей религій, которую мы и должны, поэтому, прежде всего разсмотрѣть. Наша собственная задача будетъ состоять въ томъ, чтобы показать, какъ одна форма не только просто слѣдуетъ за другой, но и вырастаетъ изъ нея, и притомъ такъ, что болѣе развитая форма не содержитъ существенно ничего такого, чего нельзя было бы найти,—хотя и въ менѣе совершенномъ видѣ, или просто въ качествѣ зародыша,—во всѣхъ предыдущихъ формахъ, начиная съ самой первой.

Что мы разумѣемъ подъ направленіями развитія, требуетъ нѣкотораго разъясненія. Не всегда, и даже не въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ, что одна религія всецѣло трансформируется въ другую; бываетъ и такъ, что изъ старой формы возникаютъ одновременно или послѣдовательно нѣсколько новыхъ формъ, которыя развиваются затѣмъ, иногда на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій, независимо и подлѣ другъ друга. Каждая изъ этихъ формъ, путемъ односторонней выработки какой-нибудь одной главной религіозной идеи, содѣйствуетъ религіозному развитію; ни одна изъ нихъ въ отдѣльности, но только взятыя всѣ вмѣстѣ, представляютъ религію даннаго періода въ исторіи человѣчества. Такая односторонняя

выработка одной коренной идеи до самых крайних ее слѣдствій необходима для того, чтобы сдѣлать эту идею неотъемлемой собственностью человѣчества, и въ то же самое время, чрезъ эту самую ее односторонность, пробудить потребность другихъ, не менѣе существенныхъ, элементовъ религiи, которые временно были оттѣснены ею на задній планъ. Такъ мы видимъ, что изъ одного и того же иудейства возникаютъ три различныя партiи садукеевъ, фарисеевъ, ессеевъ, а вслѣдъ за ними и само христіанство; равнымъ образомъ, изъ одной ведійской религiи возникаютъ на ряду съ другими Пурва и Уттара-Мимамса — ритуалистическая и спекулятивная школы. Точно также восточно-арійская религiя раздѣляется на религiи индійскую и пранскую, весьма различныя съ самаго уже начала, а впоследствiи ставiи даже враждебными благодаря реформѣ, произведенной Заратустрой. Точно также, наконецъ, — если взять еще одинъ изъ многихъ примѣровъ, — древнехристіанская послѣ-апостольская церковь распадается на восточное и западное христіанство, а римско-католическая церковь даетъ впоследствiи начало великимъ протестантскимъ обществамъ, изъ коихъ каждое отстаиваетъ извѣстный специальный принципъ, которому эта церковь не воздала должнаго. Мы можемъ здѣсь воспользоваться также образомъ рѣки, развѣтвляющейся на два или болѣе рукавовъ, которые текутъ затѣмъ своими отдѣльными ходами, пока не сольются въ океанъ или объединятся какимъ-нибудь другимъ способомъ. Такъ индійская и пранская религiи остаются раздѣленными вплоть до настоящаго времени, и представляется невѣроятнымъ, чтобы онѣ объединились когда-нибудь вновь; но съ другой стороны мы видимъ, какъ два главные великіе потоки семитическаго и арійскаго религіознаго развитiя соединяются въ христіанствѣ. Но объ этомъ мы будемъ имѣть случай говорить впоследствiи подробнѣе.

Только послѣ того, какъ мы изучимъ все это, мы будемъ въ состоянiи изслѣдовать, какимъ законамъ или неизмѣннымъ правиламъ подчиняется развитіе человѣческаго духа, и насколько они примѣнимы къ религiи, чтобы, въ заключеніе и въ качествѣ вѣнца всего зданiя, отвѣтить на вопросъ — въ чемъ состоитъ сущность развитiя религiи.

На пути, который я только что намѣтилъ здѣсь, я надѣюсь, вы будете сопровождать меня вашимъ благосклоннымъ интересомъ до самого конца.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки